

Сегодня по календарю 24 июля 1985 года.

Это означает, что ровно через неделю мне снова сдавать экзамены в институт, который я уже однажды кончал, если, конечно, я опять не прыгну вперед или назад.

Я знатный прыгун.

Интересно знать, сколько мне всего лет? По паспорту, который торчит из кармана джинсов с заложенными в нем двенадцатью фотокарточками три на четыре, мне – семнадцать. Но этот возраст, равно как и сегодняшнее календарное число, имеет смысл для всех людей, только не для меня.

Истинное количество прожитых мною лет теперь подсчитать затруднительно. Я слишком много прыгал туда и сюда. Пришлось бы собирать время по кусочкам. Среди них были совсем крохотные, не больше нескольких часов. Впрочем, поначалу я совсем не фиксировал длительность своих прыжков, так что точно уже не сосчитать. Думаю все же, что я прожил в общей сложности лет сто двадцать.

Меня зовут Сергей Мартынцев. Это абсолютно точно. Я всегда оставался Сергеем Мартынцевым, куда бы ни прыгал и как бы далеко ни залетал. Я убедился, что имя – это единственная абсолютная реальность. Все остальное могло меняться: друзья, любимые, недруги, профессии и жизненные вехи. Даже даты рождения и смерти.

Отец сидит в соседней комнате и смотрит себя по телевизору. Он только что вернулся из Бразилии, сейчас на экране он разговаривает с бразильским сборщиком кофе. Мой отец – журналист. Он почти всегда был журналистом, лишь однажды я застал его военным переводчиком. Но об этом лучше не вспоминать.

Мне довелось похоронить отца. Это было уже в двадцать первом веке, незадолго до столетнего юбилея советской власти*. В «Известиях» поместили некролог, где назвали отца «крупным журналистом-международником». Сразу после похорон я прыгнул назад, не мог этого вынести. Первые дни после смерти отца я разговаривал с ним осторожно, точно с привидением. Он даже подумал, что я заболел.

– У тебя смурной вид, – сказал он.

Еще бы! Знал бы он, что три дня назад я стоял с матерью в траурном зале под звуки скорбной музыки...

---

* Столетний юбилей советской власти отмечался бы 7 ноября 2017 года, если бы Советский Союз просуществовал до этого времени. Повесть «Часы с вариантами» написана в 1984 году, и автор не мог знать, что СССР прекратит свое существование 26 декабря 1991 года. (Здесь и далее примеч. ред.)

Но говорить ему об этом бессмысленно. Тогда он точно решит, что я заболел.

Между тем мое поведение не имеет ничего общего с болезнью. И психика у меня нормальная, хотя она-то как раз могла расшататься. Попробуйте поговорить с родным отцом наяву после его смерти или, очутившись в одной комнате с незнакомой женщиной, вдруг узнать, что это ваша жена. Впрочем, об этом после.

Здесь я намерен рассказать о своей жизни, точнее, о своих жизнях, ибо их у меня было довольно много. Дело даже не в том, что они были интересны. Просто мне довелось заскакивать туда, куда вам еще предстоит дойти. Я не утверждаю, что вы непременно туда придете. Все зависит от конкретного пути, а путей, как я убедился, бесчисленное множество. Однако совпадение не исключено.

Эта история началась год назад... Снова я вынужден остановиться, чтобы пояснить, что на самом деле она началась давным-давно, много жизней назад, однако по календарю это произошло в восемьдесят четвертом году. Должен также предупредить, чтобы вы не слишком доверяли словам «на самом деле». Никакого «на самом деле» нет, как вы сможете убедиться.

Одним словом, когда мне впервые исполнилось шестнадцать лет, ко мне пришел дедушка.

Я был в комнате один, заканчивались весенние каникулы; я лежал на тахте в стереонаушниках и слушал

пластинку «Обратная сторона Луны» группы Pink Floyd. Она немного устарела, но по-прежнему нравилась мне. Отец был в Японии, мама на работе. Часы показывали половину двенадцатого.

Вероятно, деду открыла Светка. Она тогда ждала ребенка, моего племянника Никиту, о котором позже, и целыми днями сидела дома, плача от страха. Светка на три года старше меня.

Дед вошел неслышно. Впрочем, даже если бы он топал, как слон, я все равно ничего бы не услышал – как раз было громкое соло Ричарда Райта на органе. Дед подошел ко мне и снял наушники с моей головы. Я удивленно вытаращился на деда.

Причин удивляться было несколько. Во-первых, дед приезжал к нам крайне редко. У него были натянутые отношения с отцом, как я понимаю, не оправдавшим его надежд. Журналистика для деда – занятие суетное и малопочтенное. Мой дед был контр-адмиралом в отставке. Он жил один, вернее, после смерти бабушки ему помогала пожилая женщина Антонина Степановна. Дед звал ее экономкой.

Во-вторых, дед явился в форме. Я не видел его в мундире довольно давно, с детства, когда дед еще командовал кораблями и флотилиями. Это впечатление глубоко врезалось в память, особенно адмиральский золотой кортик, болтавшийся на боку.

Выйдя в отставку, дед надевал мундир только на торжественные собрания, посвященные Дню

Победы, где я, естественно, не бывал. Сейчас он был при полном параде и при кортике, необычайно серьезный.

— Здравствуй, Сергей. Поздравляю тебя. С сегодняшнего дня ты — мужчина, — торжественно проговорил он и расцеловал меня.

Из наушников на тахте продолжал попискивать Pink Floyd.

— Выключи это, — поморщился дед. — Я хочу говорить с тобой.

Я насторожился, ожидая очередного воспитательного разговора, которыми потчевали меня родители перед шестнадцатилетием. «Ты становишься взрослым, пора подумать о будущем...» И прочее в том же духе. Мне это все порядком осточертело.

Дед уселся на тахту рядом со мной и с минуту молчал, положив руку мне на плечо. Я почувствовал, что рука дрожит.

Затем он с усилием отстегнул кортик и положил его на ладонь.

— Вот тебе мой подарок. По уставу личное оружие остается в семье. Мне скоро уходить, я хочу, чтобы он принадлежал тебе.

— Ну зачем ты так, дед... — вяло возразил я.

— Я знаю, что говорю.

Я принял кортик. Он был прохладен и тяжел. Я нажал на кнопчку у эфеса и вытянул лезвие из ножен. Оно было покрыто тончайшим слоем желтого

масла. На рукоятке стояли три буквы: «Р. Д. М.» — Родион Дмитриевич Мартынцев.

— Но это не главное, — сказал дед, поднимаясь с тахты.

Я с интересом следил за ним. Дед был невысок и худ, последние годы он как-то усох, мундир на нем болтался. Седая короткая стрижка, множество морщин на лице, но глаза ясные и живые...

— Встань, Сережа. Сейчас ты обалдеешь, — сказал он и подмигнул мне. Я действительно обалдел. Не думал, что дед способен произносить наши слова. Обычно он был велеречив.

Я послушно встал. Дед был мне по плечо. Он испытующе, с хитрецей взглянул на меня снизу вверх, будто старый пират, открывающий юнге тайну клада, зарытого на далеком острове сорок лет назад.

В сущности, так оно и было. К сожалению, ничего в этом нет смешного, как выяснилось за прошедшую жизнь.

— Эк ты вымахал, — сказал дед, одновременно с восхищением и неудовольствием.

Он оглянулся на дверь и с воровским видом запустил сухую ладонь во внутренний карман адмиральской тужурки. Когда он вынул руку, в ней был небольшой, круглый, тускло поблескивающий предмет.

Щелкнула крышка, и я увидел циферблат старинных часов с тонкими резными стрелками и делениями по кругу до 24, а не до 12, как это обычно бывает. По левую и правую сторону циферблата

располагались окошечки календаря. На календаре стояли число, месяц и год, соответствующие происходящим. Стрелки часов приближались к двенадцати, хотя казалось, что к шести, потому что цифра 12 находилась на месте шестерки обычных часов.

– Нравится? – спросил дед, заглядывая мне в лицо.

Я кивнул, хотя, честно говоря, особого восторга не испытал. Часы как часы. Кортик потряс мое воображение значительно сильнее. Я уже прикидывал, как после каникул понесу его в школу и покажу ребятам.

Вдруг дед убрал вниз ладонь, на которой покоились часы, но они остались висеть в воздухе на том же месте. Я остолбенел.

– Видишь? Они ничего не весят, – удовлетворенно проговорил дед и легонько толкнул часы указательным пальцем. Они плавно поплыли по воздуху.

Такие фокусы я раньше видел только по телевизору, когда показывали репортажи с борта орбитальной станции «Салют» и космонавты демонстрировали состояние невесомости, пуская по воздуху разные предметы. На Земле это выглядело чудом.

– И это не самое главное, – сказал дед, ловя часы и захлопывая крышку. В момент щелчка окружающее пространство как бы дрогнуло, будто от бесшумного взрыва.

Первой моей мыслью было: дед на старости лет увлекся фокусами, стал иллюзионистом-любителем. Вторая мысль была еще хлеще: дед спятил. Его рассказ блестяще это подтвердил.

Дед сказал, что часы волшебные. Слышать это от старого человека в парадной адмиральской ту-журке было дико. По словам деда, волшебство часов заключалось в следующем. Во-первых, они всегда шли абсолютно точно, не требуя завода. Во-вторых, если попробовать перевести стрелки и календарь, для чего сбоку имелись три маленькие головки, а после захлопнуть крышку, то в то же самое мгновение наступало время, показываемое часами.

– Где? – тупо спросил я.

– Что – где? – рассердился дед.

– Где наступает время?

– В пространстве, – он обвел рукой комнату.

– В каком?

– Ну, во Вселенной, – скромно пояснил дед.

Таким образом, это были часы обратного действия. Не время указывало им, какой год, месяц, день и час должны стоять на циферблате, а они управляли временем, предписывая ему, каким быть.

Дед получил эти часы в наследство от своего отца, моего прадеда. Тот был профессиональным революционером, политкаторжанином*, заработал на каторге

---

* Политкаторжанин (политический каторжанин) – человек, посланный на каторгу за политическую деятельность. Каторга (каторжные работы) – самый суровый вид наказания в Российской империи (1721–1917) после смертной казни. Приговоренные к каторге выполняли наиболее тяжелую работу на рудниках и заводах, при этом их содержали в самых суровых тюремных условиях.

чахотку* и умер в двадцать пятом году. Часы он подарил сыну в день его шестнадцатилетия, за два года до своей смерти.

Дед неторопливо рассказывал, поигрывая часами: то отпускал их — и они плыли в воздухе, по принципу Галилея сохраняя состояние равномерного прямолинейного движения, — то ловил их в ладонь, как муху.

— Почему они ничего не весят? — спросил я, будто это было самым главным.

Вообще говоря, этот факт действительно подтверждал необычность часов, если не был искусной иллюзией. Все остальное нуждалось в проверке. Что, если дед вычитал про часы в какой-нибудь научно-фантастической повести, а теперь меня разыгрывает?

— Я не знаю, — сказал дед. — Я моряк, а не физик. Мне говорили, что время как-то связано с силой тяготения. Вроде бы эти часы являются одним из полюсов гравитационного поля...

— А сколько всего полюсов?

— Не знаю, — отмахнулся дед. — Когда профессиональному военному дают новое оружие, его мало интересует, на каком принципе оно основано. Но он должен досконально знать его возможности: как, где, когда и против кого его следует применять. Понял?

— Какое же это оружие? — возразил я. — Так, игрушка...

---

* Чахотка — устаревшее название туберкулеза, самого распространенного тяжелого заболевания среди каторжан.

– Опасная игрушка, мальчик, – отчеканил дед, глядя на меня почти со злостью. – Ты в этом убедишься. Если, конечно, воспользуешься ею. Если осмелишься воспользоваться.

– Еще как воспользуюсь, – сказал я.

Дед снова открыл крышку часов и взглянул на стрелки. Было без двух двенадцать.

– Запомни эту минуту, малыш, – тихим голосом сказал дед. – Полдень двадцать седьмого марта одна тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года. Возьми!

Он протянул мне часы. Я взял их. Ощущение было странное: часы одновременно были легки, поскольку ничего не весили, но массивны, так что приходилось прилагать усилие, чтобы сдвинуть их с места. Часы словно сопротивлялись движению, вели себя как живые.

– Непослушные, правда? – неожиданно улыбнулся дед.

– Значит, если переставить их на год назад, щелкнуть крышкой, то будет... – начал вслух размышлять я.

– То и будет год назад, – нетерпеливо перебил дед.

– Мне снова будет пятнадцать... И я окажусь там, где находился ровно год назад? Так?

– Да! Да! И ты, и я, и все. Понимаешь – все! Весь мир, все люди, вся Вселенная окажется там, где они были год назад. В том же положении и состоянии.

– А те, что умерли за этот год? – вдруг спросил я.
– Они воскреснут, – строго сказал дед.
– Ого! – сказал я, уважительно глядя на часы. –
А дальше?

До меня еще по-настоящему не доходило.

– А дальше все будут жить снова тот год, который
прожили! – закричал он. – Почему ты такой глупый
мальчик?!

– И все повторится? Неинтересно.

– А вот и нет! Нельзя дважды войти в одну
и ту же реку! Нельзя! Это ты знаешь? Так говорили
древние! – кричал он.

– Почему ты кричишь? – обиделся я.

– Потому что в двадцать третьем году, когда отец
подарил мне эти часы, я не знал и половины того, что
знаешь ты сегодня. Но я был взрослее, – сказал
он огорченно. – Может быть, я рано дарю тебе часы?

– Пожалуйста. Можешь не дарить. Не больно-то
хотелось...

– Нет уж. Возьми, милоч, – сказал он, отводя мою
руку с часами. – Возьми. Подумай, как ими пользо-
ваться. И нужно ли. Подумай.

У него была привычка повторять слова с разной
интонацией.

– Я ухожу, – сказал он. – Ухожу. Никто не должен
о них знать. Это может повредить тебе... Потом, когда
ты помозгуешь над ними, мы поговорим.

– Постой, я же еще ничего не знаю! – взмолился я.

– Я все сказал. Все самое главное. Переставляешь стрелки и календарь, захопываешь крышечку и... Да! Вот еще что. Держи их крепко вот здесь, если хочешь помнить, что с тобой было до прыжка, – он ткнул себя в шею, туда, где ямочка под кадыком.

– Прыжка? – переспросил я.

– Ну, скачка. Скачка во времени.

Дед пошел к двери.

– Ты сам-то пользовался ими? – спросил я вслед.

– Один раз. Один раз в жизни. Один раз в жизни я вернулся на месяц назад и прожил его заново... Это было давно.

Он хлопнул дверью.

Что бы вы сделали на моем месте? По-моему, человечество можно разделить на две группы. Одни сразу бы схватили часы и попытались проверить их в действии. Другие бы сначала подумали. Я решил подумать.

Я, как и большинство людей моего возраста, любил фантастику и зачитывался Брэдбери, Стругацкими, Лемом. Однако, читая их книги, я никогда по-настоящему не верил в реальность происходящего. Одно дело фантастика, а другое – реальная действительность.

Я трезво смотрел на мир в свои шестнадцать лет и знал, что левитация, пришельцы и машины времени существуют лишь в воображении фантастов.

И вот я оказался в фантастической ситуации.

Причем от моего выбора зависело – использовать ее или нет. Я мог просто-напросто запихать часы по-дальше, забыть о них и жить себе как жил.

Правда, это было бы еще более фантастично. Иметь в руках такую штуку – и не воспользоваться ею!

Я осторожно защелкнул крышку часов, опять ощутив легкое сотрясение пространства, и поволок их к письменному столу. Они сопротивлялись, как рыба на крючке. Судя по всему, их инертная масса была довольно велика.

Я засунул их в ящик стола, закрыл его и сел на стол, будто боясь, что часы могут взлететь вместе со столом. Они вели себя тихо. Дальше я принялся рассуждать.

Дед мой – человек экстравагантный, но склонности к мистификации у него ранее не замечалось. Наоборот, он был правдив и точен во всем, даже пунктуален. Да и зачем ему врать про часы?

Меня так и подмывало проверить их, но я боялся. Нужно было рассчитать все последствия. А как их рассчитать?

Допустим, что это не обман. Если обман, то и говорить не о чем. Допустим, правда. Следовательно, если я сейчас переставлю календарь хотя бы на вчерашнее число, то оно и наступит? Где я вчера был в полдень?

Вчера в полдень я стоял в очереди за пластинкой Челентано в фирменном магазине «Мелодия»

на Большом проспекте Петроградской стороны. Я поехал туда к открытию и простоял в очереди два с лишним часа. Со мною был Толик.

Следовательно, если я сейчас хлопну крышкой, то в мгновение ока перенесусь на Большой проспект. И одет уже буду не в домашние тапочки и поношенный трикотажный костюм, а в джинсы, кроссовки и теплую финскую куртку. И Толик тоже окажется там, где бы он сейчас ни был.

Мысль оторвать Толика от его занятий показалась мне заманчивой, тем более что я догадывался, где и с кем он сейчас проводит время.

Да что Толик! Весь мир, все люди, вся Вселенная, как говорил дед, тоже перемахнут во вчерашний день. Те, кто родился за эти сутки, — а таких уйма на Земле — исчезнут? А те, кто умер, — оживут?! Не слишком ли жирно, как говорит моя мама? Чушь. Глухня.

И это все из-за каких-то замшелых часиков, которые тикают сейчас в ящике моего стола? Нет, я не такой осел. Сейчас возьму и проверю, решил я.

Но я продолжал прочно сидеть на столе и даже ухватился за крышку руками. Было какое-то суеверное чувство, будто кошка перебежала дорогу. Душевные сомнения, так бы я сказал.

А имею ли я право? Может быть, сейчас у кого-нибудь счастье? Вот, например, Толик. Это мне делать нечего, а у него ответственный день. Собственно, чего я прицепился к Толику? У других дела еще важнее.

Производственный план, квартал кончается, а я одним махом уничтожу суточную продукцию страны? За это по головке не поглядят. Да и вообще нечестно.

Могу и не на сутки. Могу на месяц, на год! На сколько угодно. На сто лет назад. Интересно, есть ли ограничение по годам в этой машинке? Не вечная же она?

«Стоп! – сказал я себе. – Больше чем на шестнадцать лет назад мне прыгнуть нельзя. Меня еще не будет. Я еще не рожусь, а также не родюсь. Или не рождусь? Черт, у меня всегда с русским были нелады. Короче говоря, туда нельзя».

Таким образом, я выяснил одну границу. Мне можно было гулять во времени, начиная с марта месяца одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года, когда я родился.

Обидное ограничение. Значит, к рыцарям-крестоносцам я уже не попаду. Могу, конечно, нажать крышку, пускай история начнется сначала, но мне-то не посмотреть.

Да и в шестьдесят восьмой мне не хотелось. Попаду опять в ясли с этими проклятыми часами. Мама наверняка их отберет...

Еще начнет их крутить и отправит человечество куда-нибудь к черту на кулички. Куда-нибудь к египетским фараонам.

«Стоп! – опять сказал я себе. – Почему я решил, что часы останутся при мне? Я их получил от деда

сегодня. В яслях у меня не было никаких часов. Они только что появились. Следовательно, если я хочу прыгнуть в прошлое, оставив при себе часы, я не должен переходить границы полудня сегодняшнего дня».

Вот почему дед просил меня запомнить эту минуту! Конечно, можно прожить детство сначала и дождаться, когда дед снова мне их подарит. Но это же сколько ждать!

А как быть с памятью? Буду ли я помнить, что было со мной до скачка? Дед сказал – буду, если держать часы в момент переключения вот тут, у шеи. А все остальное человечество? Вопросов было выше головы.

Была не была! Я понял, что рассчитать все не удастся, и выдернул ящик письменного стола. Часы плавали там, как рыбка в аквариуме. Я схватил их и открыл крышку. Чтобы все-таки обезопасить себя от возможных неожиданностей, я решил вернуться во времени немного назад, причем в такой момент, про который я точно помнил – где, как и с кем я находился. Такой момент долго искать не пришлось. Я вспомнил, что десять дней назад перед последними тремя уроками мы стояли в коридоре и гадали, какие темы принесет Анна Ильинична на четвертное сочинение по литературе.

Я поставил нужное число и время – без пяти двенадцать, – приложил часы к ямочке на шее и, не раздумывая, обеими руками резко надавил на крышку.

Ощущение было незабываемым.

Все продолжалось доли секунды, однако я успел зафиксировать начальную фазу скачка, пока меня не смыло пространством прошедшего времени.

Одновременно со щелчком произошло уже знакомое мне легкое содрогание, и тут же вокруг часов стала быстро разрастаться поверхность чечевичной формы, будто от них отделялась оболочка. Внутри этой поверхности я успел заметить зеленое сукно письменного стола, на котором покоились часы, рядом – угол чернильного бронзового прибора, будто вдвигавшегося внутрь поверхности ниоткуда, и дедовский мундштук. Пальцы мои и часть груди у шеи уже были смыты распухавшей чечевицей, через миг исчез подбородок, нос, в то время как внутри поверхности продолжал возникать кусок письменного стола в дедовском кабинете – он торчал из моего тела, съедая его с огромной быстротою раздвигавшейся чечевичной поверхностью. Еще мгновение – и поверхность достигла глаз. Я перестал видеть, последовало несколько сотых долей секунды полной темноты, и вдруг я оказался в школьном коридоре среди своих товарищей, возникнув, как и они, на границе раздела двух пространств, раздвигающейся с гигантской скоростью.

– ...инична даст Наташу Ростову. Вот увидите, – сказал Толик.

– И князя Андрея, – авторитетно добавил Макс.

– А я к Пьеру готовилась. Хоть бы Пьер был! – заволновалась Марина.

«Все точно, – отметил я про себя. – Эти реплики имели место». Я прикрыл веки, сжал пальцы, как бы концентрируя мыслительную энергию, и с расстановкой произнес:

– Значит, так. Темы будут такие: «Образы Кутузова и Наполеона как отражение исторических взглядов Толстого», «Философия Платона Каратаева и ее связь с толстовством» и «Русский солдат в изображении Толстого».

Меня дружно осмеяли. Никто не напомнил мне, что в первый раз я тоже голосовал за князя Андрея.

Через пять минут в класс вошла Анна Ильинична и написала на доске названные мною темы. Слово в слово. Все онемели и дружно повернулись ко мне.

– Откуда ты знал? – прошептал Макс.

– Интуиция, – пожал плечами я.

– Ну ты логопед! – произнес он свою любимую присказку.

Анна Ильинична, как она потом объяснила, решила проверить самостоятельность нашего мышления, почему и залепила такие зверские темы. Конечно, никто не был готов, кроме меня, потому что я прекрасно помнил разбор сочинений, устроенных ею два дня спустя.

«Заодно и четвертную отметочку исправлю!» – подумал я, принимаясь строчить про Кутузова и Наполеона.

В первый раз я писал о русском солдате и получил тройка за содержание и четыре – за грамматику.

Через два дня я узнал, что получил «отлично» за содержание и ту же четверку за грамотность. В четверти вышла пятерка. Остальные имели те же оценки, что в первый раз.

За десять дней, предшествовавших моему второму шестнадцатилетию, я заслужил репутацию прорицателя. Ситуации повторялись одна за одной, и мне не стоило никакого труда предсказывать их.

– Вот смотрите, – говорил я в кино, как всегда прикрыв глаза и сжав пальцы в кулаки, – сейчас войдет рыжий щербатый мужик на костыле.

Через минуту в фойе входил рыжий щербатый мужик на костыле.

– Завтра химичка спросит тебя, тебя и тебя, – указывал я пальцем. – Готовьтесь.

На следующий день их спрашивали, они получали пятерки, изумленно благодарили.

Таким образом мне удалось повесить четвертные оценки не только себе, но и нескольким своим товарищам. За мной ходил хвост. Канючили не переставая:

– Мартын, а что у меня будет в четверти по биологии?

– Серега, «Зенит» завтра выиграет?

– Проиграет ноль-один, – отвечал я.

В последний день четверти ошеломленные одноклассники потащили меня к нашей воспитательнице

Ксении Ивановне. У нас с нею доверительные отношения.

– Ксения Ивановна, Мартынцев у нас пророк! – объявил Макс.

– Кто? – испугалась она.

– Прорицатель. Предсказывает будущее!

– Как же он это делает?

– Интуицией, – сказал Толик.

– Ах вот как? Тогда, Сережа, предскажи, пожалуйста, когда мне позвонит моя Катя. Она уехала с ансамблем в Таллин, обещала позвонить. Я должна быть дома.

Тут я влип. Дело в том, что этого разговора в предыдущий раз, естественно, не было; я понятия не имел о Кате и ее гастролях в Таллине. Тем более не догадывался, когда ей вздумается позвонить своей маме.

– В семь вечера, – наобум брякнул я.

И конечно, ошибся. Катя звонила в пять, когда Ксении Ивановны не было дома, а потом в одиннадцать вечера. Об этом узнал Макс, специально позвонивший ей на следующий день, чтобы узнать результат эксперимента. Репутация несколько пошатнулась.

Начались каникулы. Я виделся преимущественно с друзьями – Максом и Толиком. Жизнь моя, в общем, текла по тому же руслу, что в первый раз, но с небольшими отклонениями. Иногда я нарочно их устраивал. Помня, что в субботу ходил на дискотеку в ДК связи, на этот раз не пошел. Ничего не изменилось.

Я напряженно ждал дня рождения. Я снова хотел стать обладателем часов. За три дня позвонил деду, поинтересовался здоровьем.

– Тронут, – насмешливо сказал дед. – С чего вдруг такая внимательность?

Накануне дня рождения я слегка поправил свое ре-
номе пророка, точно предсказав пластинку Челента-
но, которую мы с Толиком и купили в магазине
«Мелодия».

Утром двадцать седьмого марта, выслушав по-
здравиения мамы и Светки и получив от них в пода-
рок ту же фирменную запечатанную японскую кас-
сету*, я стал ждать деда. На этот раз оделся получше,
прибрался в комнате.

В половине двенадцатого дед не пришел. Не явился
он и в двенадцать. Его не было в час, в три, в пять.
Я извелся. Хотелось позвонить ему и напомнить.
Очень мило получится! Так, мол, и так, дедушка,
ты мне часики забыл подарить. Где они? Дед позво-
нил в шесть часов.

– Поздравляю тебя, мой мальчик, – сказал он сла-
бым голосом. – Ты не мог бы зайти ко мне? Я приго-
товил тебе подарок.

---

* Примерно с конца 1970-х годов музыкальные записи распро-
странялись в основном на аудиокассетах, которые называли просто
кассетами. Их покупали, обменивали, но чаще самостоятельно запи-
сывали на них понравившуюся музыку. При этом советские аудио-
касеты были очень плохого качества, а более качественные им-
портные – японские и немецкие – почти нигде не продавались.